

— За столько лет впервые вижу, чтобы ты приводил кого-то с собой. — Пожилая женщина улыбнулась, завернула розы в упаковку из статицы, обернула несколькими пожелтевшими от времени газетами. Лепестки роз, покрытые капельками влаги, бесшумно падали и впитывались в газету, оставляя пятна, похожие на следы слёз.

Сы Ханьцзюэ бросил взгляд за пределы магазина.

Юноша, закутанный в его длинное пальто, стоял на ветру, торжественно глядя на кладбище вдали.

— Очень важный человек, пришёл познакомиться с семьёй. — Сы Ханьцзюэ принял букет и с улыбкой спросил:

— Как вы думаете?

Старушка улыбнулась особенно тепло:

— Твоей бабушке обязательно понравится.

— Спасибо.

Тихо поблагодарил Сы Ханьцзюэ, вышел из магазина, взял Тан Сяотана за руку и, наклонившись, улыбнулся ему:

— Всё ещё волнуешься?

Личико Тан Сяотана было напряжено, его маленькая ручка слегка сжалась в ладони Сы Ханьцзюэ:

— Бабушке понравлюсь я?

— Тан — мальчик, это правда не имеет значения?

— Не имеет, — успокаивающе сжал пальцы юноши Сы Ханьцзюэ, держа в другой руке букет. — Потом ты подаришь бабушке цветы, хорошо?

Голос мужчины был мягким, немного хриловатым, магнитным, низким и волнующим, словно звучал прямо у уха.

Тан Сяотан глубоко вздохнул, его маленькое личико напряглось, полное тревоги и беспокойства.

Сы Ханьцзюэ, глядя на его реакцию, едва сдерживал улыбку.

Нравится или не нравится — какая разница?

Ушедший человек ничего не изменит, остаётся только принять.

Но он знал, что бабушке обязательно понравится.

Это тот, с кем он выбрал прожить всю жизнь, будь то мужчина или женщина, бабушке обязательно понравится.

Просто... если бы это был трезвый Тан Тан, было бы ещё лучше.

Сы Ханьцзюэ, храня в душе тяжёлые мысли, молча повёл Тан Сяотана к могиле бабушки.

Эту дорогу от цветочного магазина до кладбища он прошёл много раз за долгие годы, почти с закрытыми глазами зная каждый поворот.

Но на этот раз всё было иначе. В отличие от прежних траурных и молчаливых визитов, в этот раз было что-то похожее на сообщение радостной вести.

Он привёл самого важного человека на всю оставшуюся жизнь, чтобы познакомить с единственным родственником.

Надгробие Линь Лумин лишь немного потускнело от времени, но было чистым, без пыли, вокруг могилы не было ни травинки сорняков — видно, кто-то часто ухаживал. Перед памятником лежал букет белых роз, ещё не полностью увядших, словно тот, кто принёс их, только что ушёл.

Сы Ханьцзюэ присел на корточки, отложил старый букет в сторону и, обернувшись к растерянному Тан Сяотану, сказал:

— Подойди.

Тан Сяотан, держа букет, нервно сглотнул.

Его круглые, оленьего глаза, полные испуга и тревоги, смотрели на добрую и степенную старушку на надгробии.

— Бабушка... Здравствуйте, бабушка!

Тан Сяотан низко склонил голову, согнулся под прямым углом и глубоко поклонился старушке.

— Я... я Тан Сяотан!

Голос юноши звучал чуть громче, мягкое звучание дрожало, как неправильно задетые струны.

Тан Сяотан беспокойно повёл глазами, встал по стойке «смирно», как школьник под знаменем, торжественно держа в руках цветы, сделал шаг вперёд, колени подкосились, он плюхнулся на землю, распротёршись ниц.

Букет вылетел из его рук и аккуратно приземлился перед надгробием Линь Лумин.

Тан Сяотан поднял голову: старушка с улыбкой смотрела на него, во взгляде — одна доброта.

Кончик носа юноши испачкался пылью, его хрустальные зрачки с удивлением устремились на Сы Ханьцзюэ.

Уголки губ Сы Ханьцзюэ напряглись, он изо всех сил сдерживал смех, помогая юноше подняться.

— Какой великий поклон, как бабушке может не понравиться ты?

На скулах вспыхнул румянец, похожий на румяна. Тан Сяотану было неловко и стыдно, он уцепился за рукав Сы Ханьцзюэ:

— Правда?

— Правда.

Сы Ханьцзюэ взял его за руку, притянул юношу к себе, поцеловал в макушку и спокойно сказал:

— Бабушка, это тот, кого я выбрал.

Того, с кем выбрал прожить всю жизнь.

Печальный ветер, казалось, стих, безмолвное кладбище погрузилось в тишину.

Линь Лумин спокойно смотрела на него. Прошло много времени, поднялся ветерок, тёплый и мягкий, ласково коснувшийся щеки Сы Ханьцзюэ.

Сы Ханьцзюэ опустил глаза и крепче обнял юношу.

— Сяотан.

Сы Ханьцзюэ поцеловал Тан Сяотана в мочку уха.

— Ты раньше говорил, что любишь меня, да?

Мягкий красный кончик языка невольно облизнул губы, у Тан Сяотана мгновенно пересохло в горле.

— Тан говорил бесчисленное количество раз!!

— Тан не просто любит хозяина, Тан обожает хозяина!!

— Тан хочет быть с хозяином всю жизнь!

Тан Сяотан хмыкнул:

— Хозяин плохой, как хозяин может притворяться, что не знает, как Тан любит хозяина!

Сы Ханьцзюэ с грустью нахмурился.

Нет.

Всё было не так.

В день, когда Тан Тану исполнился двадцать один год, юноша, не знаю, сколько раз переписывая и сокращая, наконец осторожно, взвешивая каждое слово, отправил ему сообщение: [Господин Сы, сегодня мой день рождения, вечером вы сможете поужинать со мной?]

Боясь, что Сы Ханьцзюэ будет недоволен беспокойством, Тан Тан тут же, пытаясь скрыть смущение, отправил ещё одно: [В школе прошёл комплексный конкурс по китайской медицине, я получил первую премию, хотел отпраздновать с господином Сы.]

То конкурс, то день рождения — непонятно, что именно он хочет праздновать.

А может, оба повода были лишь предлогом.

В тот день у Сы Ханьцзюэ были дела, и он уже собирался за границу, человек был в аэропорту,

до вылета оставался час.

У мужчины была температура тридцать девять, глаза горели и краснели от жара, он из последних сил ехал на крайне важную деловую встречу. В размытом, двоющемся экране он без выражения ответил: [Нужно за границу.]

На том конце воцарилась полная тишина.

Только когда самолёт приземлился, и Сы Ханьцзюэ включил телефон, он получил сообщение, от которого стало грустно.

[Тан Тан: А.]

Сы Ханьцзюэ сжал губы.

Обратный рейс должен был быть на следующий день после обеда. Из-за сильной простуды и смены часовых поясов он планировал после встречи как следует отдохнуть в отеле, прежде чем возвращаться. Глядя на это унылое «А», Сы Ханьцзюэ потер переносицу, пока не остался кровавый след, и немедленно велел Цзян Юю купить билет на вечерний рейс на родину.

Цзян Юй, беспокоясь о его здоровье, не только забронировал отель, купил лекарства, но даже записал к врачу. Услышав это, он ужаснулся:

— Возвращаться вечером? Выдержишь??

— Босс, я отложил все дела на завтра, ничего не пострадает, здоровье важнее...

Сы Ханьцзюэ прервал его болтовню:

— Купишь или нет?

— Куплю.

Цзян Юй вздохнул.

— Старший, ты слишком себя нагружаешь.

Когда он сел в самолёт, температура была уже тридцать девять. Он принял наскоро лекарство от простуды, проспал весь путь до страны М, после вылета сразу направился в компанию партнёра, собрал все силы, чтобы разобраться в плотном английском контракте, вести переговоры и отстаивать свои интересы.

Целых пять часов. Выйдя из офиса партнёра, Сы Ханьцзюэ пошатнулся, поднял глаза — птицы пролетали по небу, весь мир закружился.

Надоедливая головная боль снова начала своё чёрное дело.

На улице чужой страны он, страдая, согнулся, упёрся руками в колени, едва не потеряв сознание.

Он даже уже не помнил, как оказался у общежития Тан Тана.

Получив звонок, Тан Тан обрадовался как ребёнок, выбежал из общежития в шортах, его стройное красивое тело было прохладным и приятным, когда он бросился в объятия Сы

Ханьцзюэ, принеся с собой струю свежего ветерка.

— Переоденься, пойдём поужинаем.

Голос Сы Ханьцзюэ был слегка хриплым, невероятно сухим.

Тан Тан переоделся в белую толстовку, чистую, без единого пятнышка, и радостно последовал за Сы Ханьцзюэ:

— Вы же говорили, что уезжаете за границу? Как вернулись? Господин Сы, я так счастлив.

Лицо юноши покраснело от восторга, он щебетал, не зная, как выразить чувства, и лишь в машине заметил болезненный цвет лица Сы Ханьцзюэ.

В тот день за рулём был Цзян Юй. Он с досадой смотрел в зеркало заднего вида на ликующего юношу и упрекнул:

— Тан Тан, босс, больной таким, всё же пришёл отметить с тобой день рождения, будь же поговорчивее?

Тан Тан широко раскрыл глаза, испуганно поддержал Сы Ханьцзюэ:

— Господин Сы, вы заболели?

— Немного болит голова.

Сы Ханьцзюэ похлопал его по тыльной стороне руки.

— Ничего.

Он забронировал лучший ресторан в городе Цзин, лучшее место. Это был их второй совместный ужин. Садясь, Тан Тан чувствовал, что ладони стали влажными, на лице — вина, в глазах туман, он тихим голосом произнёс:

— Простите.

— Ладно.

Сы Ханьцзюэ погладил его по волосам.

— Старая болезнь. Учись хорошо, возможно, в будущем сможешь меня вылечить.

— Старая болезнь?

Тан Тан впервые узнал, что у господина Сы есть хроническое заболевание, и поспешно спросил:

— В чём дело?

Сы Ханьцзюэ вкратце описал симптомы и рассказал о лечении биполярного расстройства:

— Психологическое, но я совсем не хочу принимать те лекарства.